

УДК 94(476):351.74 «1941/1945»

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-3-169-187

**ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ НАЦИСТСКОГО
ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР)¹**

Романько О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru*

Рассмотрены роль и место коллаборационистской вспомогательной полиции, которая в период оккупации советских территорий являлась важной частью нацистских силовых структур. На примере Белорусской ССР показаны причины появления и генезис таких полицейских формирований. Рассмотрена их типология, при помощи которой удалось установить, что основными типами полиции на территории этой советской республики были «служба порядка», «самооборона» и Вспомогательная полиция порядка, причины создания которых напрямую зависели от повышения уровня партизанской угрозы на оккупированных территориях. В результате проведенного исследования установлено, что вспомогательная полиция являлась самыми массовыми коллаборационистскими формированиями на оккупированных советских территориях, а их роль в нацистской репрессивной политике (например, участие в Холокосте) довольно значительна. Тем не менее, уровень боеготовности полиции по целому ряду причин оставался низким и с ходом оккупации только падал, что вынуждало нацистскую администрацию задействовать другие формы военного коллаборационизма. Одной из таких причин являлись межнациональные отношения на территории Белорусской ССР, что позволяет назвать вспомогательную полицию существенным фактором динамики, например, белорусско-польских и белорусско-русских отношений.

Ключевые слова: Белорусская ССР, нацистская оккупация, коллаборационизм, вспомогательная полиция, Холокост, межнациональные отношения.

Осенью – зимой 1941 г. на захваченных нацистами советских территориях начал складываться оккупационный режим, важной особенностью которого стало привлечение местных жителей и военнопленных в разные типы коллаборационистских формирований. Одним из типов подобных формирований являлась так называемая вспомогательная полиция – одновременно самая массовая форма участия советских граждан в военных усилиях нацистской Германии и центральная из структур, на которой до определенного момента держался весь оккупационный режим. Различные полицейские формирования существовали на

---

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект: «Критический анализ концепта неокolonизма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

всех оккупированных советских территориях и в составе обеих ветвей оккупационного режима – военной и гражданской. Где-то они выполняли стандартные функции, не выходящие за рамки обычных практик «нового порядка», а где-то – из военно-административного превращались в социокультурный и этнонациональный фактор существования оккупированного сообщества. Как правило, такая трансформация проходила на территориях с многонациональным составом населения, значительным партизанским движением, а также с несколькими формами немецкой оккупационной администрации одновременно. Одной из таких территорий являлась Белорусская ССР, где, помимо указанных аспектов, нацистский «новый порядок» существовал довольно значительный срок – три года, – чтобы вышеуказанный фактор оформился и проявил себя в полную силу.

Следует отметить, что история различных полицейских формирований, которые действовали на оккупированных советских территориях вообще и в Белорусской ССР в частности, уже неоднократно становилась предметом научного исследования. Тем не менее, и в отечественной, и в зарубежной историографии эти исследования, в целом, ограничиваются только некоторыми аспектами истории создания и использования вспомогательной полиции. Например, применительно к Белорусской ССР – это общие вопросы структурно-функциональных особенностей данных формирований, а также участие полицейских в антипартизанских операциях и в нацистской репрессивной политике (например, в Холокосте) [11; 12; 15; 18; 24; 31; 32; 38].

Безусловно, все это очень важные составляющие проблемы коллаборационизма и оккупации на территории Белоруссии. Однако, они не раскрывают до конца роль и место вспомогательной полиции в системе нацистского оккупационного режима, который действовал в этой республике в 1941–1944 гг. Выяснить это и одновременно восстановить полную картину истории данного типа коллаборационистских формирований с военной, социокультурной и этнонациональной точек зрения и является целью статьи.

Первые охранные подразделения начали появляться в Белоруссии еще до создания здесь гражданских органов власти, а именно – генерального округа. Как правило, подобная инициатива исходила от соответствующих органов вермахта, заинтересованных в увеличении охранных войск в тыловом районе группы армий «Центр». В результате, к осени 1941 г. на территории оккупированной Белорусской ССР было создано несколько десятков мобильных и стационарных подразделений, получивших, в целом, название «службы порядка» (Ordnungsdienst). Эти подразделения представляли собой кавалерийские или пехотные отряды, командирами которых назначались советские офицеры, специально освобожденные для этого из лагерей военнопленных. Численность каждого из них колебалась в пределах 100–150 человек. Обычно, для привлечения местного населения в эти отряды применялся целый комплекс мер: от принуждения до освобождения от повинностей, налогов и реквизиций. Но и идеологический (национализм и антикоммунизм) момент в этом процессе также нельзя отбрасывать. К слову,

главными организаторами белорусской «службы порядка», например, на востоке республики, стали такие известные белорусские националисты, как М. Витушка и Д. Космович [30, вл. 20–21].

Другой формой охранных формирований была местная «самооборона», которая стала создаваться после ухода советских структур и до прихода немцев. Ее цель: противодействие остаткам Красной армии и партизанам. В некоторых случаях отряды белорусской «самообороны» даже без помощи немцев очищали от них целые районы. Например, в Полесье (юго-западная Белоруссия), где в августе 1941 г. «самооборона» и отряды украинского атамана Т. Бульбы-Боровца («Полесская сечь») провели настоящую войсковую операцию против советских солдат-окруженцев. В своем роде это была уникальная, в тех условиях, акция, так как немцы в ней вообще не участвовали, а только наблюдали за ходом событий. Операция началась 20 августа 1941 г. В ходе нее 10 тыс. украинцев и 5 тыс. белорусов, разбитые на так называемые «летучие бригады», вытеснили остатки советских войск (примерно 15 тыс. чел.) с территории Полесья и соединились в районе Мозыря [6, с. 126–148].

Следует сказать, что белорусские националисты преследовали не только военные цели. В каждом занятом районе они создавали свою администрацию, издавали газеты и делили землю. А «самооборона» стала выполнять функции местной полиции. Первое время эта полиция действовала независимо от немцев, которые появились на Полесье только в октябре 1941 г. Интересно отметить, что в этот период белорусские формирования уже имели собственную униформу. По воспоминаниям одного из участников этих событий В. Вира, это были пошитые из советских, песочного цвета шинелей, френчи и шапки-кепи (по образцу австрийских периода Первой мировой войны) с двойным «Ярыловским крестом». Также имелись советские каски с таким же крестом, нарисованным желтой или синей краской [7].

В сентябре 1941 г. в западной и центральной частях Белоруссии была установлена гражданская оккупационная администрация. Соответственно сразу же немцы провели унификацию местных охранных частей. В результате, уже к концу осени все они были реорганизованы в формирования Вспомогательной полиции порядка (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei или «Schuma»). Первыми появились подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности – аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. Следует сказать, что их не создавали заново. Фактически они были организованы на базе уже имевшихся частей «службы порядка» и «самообороны», которые действовали при всех местных городских, районных или сельских управлениях. В принципе, в них остались те же кадры, тот же персонал и при тех же обязанностях. Основные же изменения произошли в системе управления этими частями, хотя, по сути, ничего нового придумано не было, поскольку, как и прежде, эта система оставалась двухуровневой. Формально ими продолжал руководить начальник полиции городского и районного управлений или староста, если речь шла о сельском управлении. На деле же реальная власть продолжала оставаться в немецких руках. Однако, если раньше шефом начальника

полиции был соответствующий армейский комендант, то теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции (Schutzpolizei), а в сельской местности – начальнику жандармерии (Gendarmerie). Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших городах и районных центрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было разным и находилось в зависимости от площади района и плотности населения в нем (в среднем, это соотношение не могло превышать пропорцию 1 полицейский на 100 жителей) [22, л. 277–284].

Этот тип полиции немцы формировали первоначально на добровольной основе. Желающих отбирали после строгой проверки на благонадежность. Как правило, большинство таких полицейских набирали среди жителей сельской местности. В этот период еще можно было уволиться со службы по собственному желанию, что свидетельствует о ее добровольном характере. Тем не менее, полицейские обращались с просьбой об увольнении только «в случае крайней необходимости по причинам личного или экономического характера», и такие просьбы иногда удовлетворялись. В реальности, большинство увольнений происходило по состоянию здоровья, что часто было сопряжено с подкупом врача, когда он выдавал справку о непригодности к полицейской службе. В целом, первые месяцы существования «Schuma» принцип добровольности при наборе распространялся на всех, кроме переводчиков, которых усиленно разыскивали, так как полиция не могла без них функционировать. Приблизительно с лета 1942 г., когда партизанское движение начало приобретать серьезные масштабы, немцы перешли к принудительному набору во Вспомогательную полицию порядка, после чего ее численность значительно увеличилась. Кроме того, большинство новобранцев попадали теперь в части следующего типа этой полиции – батальоны «Schuma», речь о которых пойдет ниже [11, с. 91–92].

С осени 1942 г. полицейские стали принимать присягу – они клялись «быть верными, смелыми, послушными, честно выполнять свой долг в борьбе против кровавого большевизма», а также выражали готовность «отдать свою жизнь за эту клятву, принесенную во имя Господа». Новобранцы присягали после четырех недель службы. Письменный текст присяги полицейского находился в его личном деле, которое хранилось в канцелярии соответствующей полицейской структуры [11, с. 95].

Белорусские полицейские были четко ограничены в своих полномочиях. Так, они не имели права арестовывать граждан Германии, проводить у них обыск и конфискацию имущества. Это разрешалось только сотрудникам немецкой полиции. Тем не менее, члены «Schuma» могли получать награды в размере до 100 рейхсмарок за выдающиеся достижения в интересах нацистской Германии и особенно за борьбу с партизанами [11, с. 96].

Выше уже говорилось, что части «службы порядка» были одеты либо в гражданскую одежду, либо в трофейную униформу советского образца. На их принадлежность к коллаборационистским формированиям указывала только нарукавная повязка или разнообразные самодельные знаки различия (как на

Полесье). С началом организации «Schuma» ситуация несколько изменилась. Зимой – весной 1942 г. немцы постарались как можно скорее привести всю униформу к одному стандарту: полицейским начали выдавать новые комплекты, перешитые из черной униформы нацистской организации общих СС (Allgemeine-SS). Надо сказать, что где-то это удалось сделать быстро, где-то, в основном в сельской местности, большинство полицейских еще осенью 1942 г. продолжали ходить в гражданской одежде, но уже со специально разработанными знаками различия. Зачастую, такие знаки являлись единственным признаком, по которым можно было отличить полицейского, если он носил гражданскую одежду. Летом 1942 – в начале 1943 г. это были специальные нарукавные нашивки – так называемые «полоски» и «уголки», обозначавшие воинское звание и занимаемую должность. Всего в «Schuma» было пять воинских званий. Последнее из них, соответствовавшее, примерно, старшине Красной армии, являлось наивысшим для этой ветви Вспомогательной полиции порядка. Офицерские звания для ее персонала не предусматривались [12, с. 6, 28].

2 декабря 1941 г. Верховное командование сухопутных войск вермахта издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В этом документе, в частности, говорилось: «... Использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применять их же методы действия» [9, л. 88–89]. Поэтому, уже в первой половине 1942 г. немецкие полицейские органы при гражданской администрации приступили к созданию из местных добровольцев батальонов «Schuma», которые предполагалось использовать в антипартизанских операциях. По замыслам полицейского руководства они должны были представлять собой территориальные охранные части, более крупные, мобильные, лучше вооруженные и с более широким оперативным районом. В немецкой системе правопорядка их аналогом являлись так называемые военизированные полицейские батальоны и полки, которые в больших количествах действовали на оккупированных советских территориях [33, с. 204].

Формирование белорусских батальонов «Schuma» проходило в три этапа: июль – сентябрь 1942 г., август – сентябрь 1943 г. и февраль – март 1944 г. В результате чего к апрелю 1944 г. было организовано 12 таких частей: 45, 46, 47, 49, 65–67-й охранные, 48, 60, 64, 68-й фронтовые и 48-й запасной батальоны. Динамика численности личного состава в них выглядела следующим образом: 20 декабря 1943 г. – 1481, 30 января 1944 г. – 1499 и, наконец, 29 февраля 1944 г. – 2167 человек [26, fr. 2764380–2764391; 28, fr. 2722118; 29, fr. 2723967].

По штатному расписанию каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот (по 124 чел. в каждой), а каждая рота – из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили также технические и специальные подразделения. На примере белорусской «Schuma» видно, что штатная численность личного состава в 501 человек на практике не соблюдалась и колебалась от 200 до 700 полицейских. Как правило, батальоном командовал местный доброволец из числа бывших офицеров Польской или Красной армии. Тем

не менее, в каждом из них было девять человек немецкого кадрового персонала: один офицер связи с полицейским руководством и восемь унтер-офицеров. Интересно, что срок службы в таком батальоне определялся специальным контрактом и составлял шесть месяцев. Правда, зачастую, этот срок автоматически продлевался [34, s. 47].

После поступления на службу полицейские проходили начальную строевую и стрелковую подготовку. Однако, ввиду того, что в этих частях не хватало опытных командиров и унтер-офицеров, некоторых полицейских посылали на подготовительные курсы в специальные школы. Командные кадры для батальонов «Schuma» (и вообще для белорусской полиции) готовили открытые в Минске в декабре 1941 г. курсы по переподготовке полицейских. Позднее, в мае 1942 г. при них открыли школу унтер-офицеров. Еще одни курсы по подготовке унтер-офицеров находились в Вилейке. Обучение длилось около восьми недель, после чего слушателей сортировали согласно их успеваемости, а наиболее подходящие кандидаты отбирались для дальнейшей работы в качестве инструкторов. Следует сказать, что значительное место на этих курсах уделялось политической подготовке, которая имела антисоветский и антисемитский характер [26, fr. 2764132].

Бойцы батальонов «Schuma» носили стандартную униформу вермахта или немецкой полиции. В начале 1943 г. для их личного состава (а затем и для всех остальных ветвей Вспомогательной полиции порядка) были разработаны специальные знаки различия, которые значительно отличались от «полосок» и «уголков» персонала индивидуальной службы. А именно:

эмблема для ношения на головном уборе – свастика в лавровом венке;

эмблема для ношения на левом рукаве кителя – свастика в лавровом венке и в обрамлении девиза «Treu – Tapfer – Gehorsam», что означало «Верный – Храбрый – Послушный»;

погоны черного цвета, на которых была вышита свастика.

Также вводились новые черные петлицы, на которых размещались серебристые «уголки» и «звездочки», свидетельствующие о звании их владельца. Так как батальоны «Schuma» представляли собой уже более крупные формирования, чем части индивидуальной службы, для их личного состава были введены офицерские звания. Теперь их насчитывалось уже семь: к трем унтер-офицерским званиям было добавлено еще четыре офицерских (примерно, от лейтенанта до майора немецкой полиции). Офицерские звания не являлись персональными, а, как и в предыдущий период, означали только занимаемую должность: помощник командира взвода, командир взвода, командир роты и командир батальона. Еще одним новшеством в этих знаках различия было то, что теперь каждый тип Вспомогательной полиции порядка имел свой цвет. Например, полиция индивидуальной службы в городах и солдаты батальонов «Schuma» получили светло-зеленую выпушку петлиц и погон, свастику на погонах и рисунок нарукавной эмблемы, а у полиции индивидуальной службы в сельской местности все это было оранжевым [12, с. 4, 28].

В организационном и оперативном отношении эти части подчинялись начальнику полиции порядка генерального округа «Белоруссия» и действовали в

западных и центральных районах республики [27, fr. 2765402–2765406; 29, fr. 2723976; 36, p. 41–45].

При организации батальонов «Schuma» предполагалось, что, в отличие от полиции индивидуальной службы, на них будет возложено только участие в крупных оперативных мероприятиях и всего связанного с ними. Немецкие нормативные документы выделяют три основных типа таких батальонов:

фронтной (Front) – предназначался для оперативных мероприятий на широком фронте и с широкими задачами; иногда мог применяться и против регулярного противника;

охранной (Wach) – предназначался для охранных мероприятий, главным образом на военных объектах и в местах заключения;

запасной (Ersatz) – осуществлял подготовку личного состава для двух предыдущих типов, но в случае крайней необходимости мог использоваться как охранной или фронтной [39, s. 646].

В Белоруссии были созданы батальоны всех типов: семь охранных, четыре фронтных и один запасной. И такое их количественное соотношение не является случайным: немцы одинаково нуждались и в охранных частях, и в частях, которые могли на равных бороться с партизанами. При этом был создан только один запасной батальон, так как в тот период и в генеральном округе, и в зоне военной администрации имелось уже достаточно специальных учебных заведений, где готовился более или менее качественный полицейский персонал офицерского и унтер-офицерского уровня. Не было недостатка и в рядовом контингенте [25, fr. 1302].

После окончания подготовки каждый из батальонов получал свой оперативный район. В целом, территориально эти части «Schuma» были распределены следующим образом: № 45 и № 60 (район Барановичей), №№ 46–49 (район Минска), № 48 (район Слонима), № 64 (район Глубокого), № 66 (район Слуцка), № 67 (район Вилейки), № 65 и № 68 (район Новогрудка) [32, s. 248].

Задачи перед личным составом батальонов стояли следующие:

Охрана войскового и оперативного тыла действующей армии от агентурных и диверсионных действий противника;

Охрана и оборона всех видов коммуникаций, имеющих значение для фронта или экономики Германии;

Охрана и оборона объектов, имеющих значение для вермахта и германской администрации (базы, склады, аэродромы, казармы, административные здания и т.п.);

Активное осуществление полицейских и, в случае необходимости, войсковых мероприятий по подавлению антигерманских выступлений в тыловых районах группы армий «Центр» и в генеральном округе «Белоруссия» [18, с. 14].

В июне 1944 г., после начала советского наступления в Белоруссии, часть батальонов «Schuma» была разгромлена, а часть (например, батальоны №№ 60, 64–68) – отведена в Польшу. Здесь они впоследствии вошли в состав Бригады

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР)

вспомогательной полиции «Зиглинг» [21, с. 158–167]. В целом же, историю батальонов и их боевой путь можно проследить по этой таблице:

№ батальона	Период формирования	Место формирования	Итог
№ 45 (охранный)	Сентябрь 1943 г.	Барановичи	–
№ 46 (охранный)	Июль 1942 г.	Минск	–
№ 47 (охранный)	Июль 1942 г.	Минск	–
№ 48 (запасной)	Июль 1942 г.	Минск	Расформирован в марте 1943 г.
№ 48 (фронтовой)	Август 1943 г.	Слоним	Расформирован в сентябре 1944 г.
№ 49 (охранный)	Сентябрь 1942 г.	Минск	–
№ 60 (фронтовой)	Август 1943 г.	Снов (возле Барановичей)	Официально был расформирован в апреле 1944 г.; в июле 1944 г. личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»
№ 64 (фронтовой, а с мая 1944 г. – охранный)	Февраль 1944 г.	Глубокое	В июле 1944 г. личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»
№ 65 (охранный)	Февраль 1944 г.	Новогрудок	Официально был расформирован в сентябре 1944 г., а личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»
№ 66 (охранный)	Февраль 1944 г.	Слуцк	В августе 1944 г. личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»
№ 67 (охранный)	Февраль 1944 г.	Вилейка	В августе 1944 г. личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»
№ 68 (фронтовой)	Февраль – март 1944 г.	Новогрудок	В июле 1944 г. личный состав передан в распоряжение Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»

Следует сказать, что за весь период своего существования, части белорусской Вспомогательной полиции порядка показали, в общем, среднюю выучку и такое же тактическое мастерство. Однако нередко моральное состояние и боевой дух личного состава некоторых из них оставляли желать лучшего. И в этом, зачастую, были виноваты сами немцы. Известный белорусский националист, непосредственно участвовавший в создании полиции, капитан Ф. Кушель позднее вспоминал: «...Немецкое отношение к этому делу... привело к тому, что широкие белорусские массы все больше и больше разочаровывались в немцах. Результатом этого разочарования было, в первую очередь то, что белорусы начали покидать ряды полиции... и переходить к партизанам» [14, с. 45].

Приведем лишь несколько, наиболее характерных, примеров. В августе 1942 г. было принято решение о формировании 49-го батальона «Schuma». Уже сам набор в него проводился принудительным порядком: окружные комиссары просто хватали белорусскую молодежь и отправляли ее под конвоем к месту формирования. Такими методами было набрано около 2 тыс. человек. Белорусам не дали ни одной офицерской должности, и поэтому батальоном, вплоть до ротного звена, командовали немцы. Все немецкие офицеры общались со своими подчиненными только по-немецки, что, естественно, не способствовало взаимопониманию и создавало дополнительные трудности в обучении. Из-за низких успехов в последнем немцы стали избивать белорусских новобранцев, следствием чего явилось дезертирство. В конечном итоге, этот период истории батальона закончился нападением советских партизан и паническим бегством всего белорусского персонала, который попросту не захотел сопротивляться (да и не мог, имея всего 50 винтовок). После этого инцидента вернуть обратно удалось только несколько сот человек [24, с. 283–284].

Осенью 1943 г. немецкое полицейское руководство приняло решение о создании еще одного батальона «Schuma» – 48-го. Помня отрицательный опыт 49-го батальона, немцы при его организации пошли на хитрость. В обмен на помощь по набору добровольцев они пообещали Слонимскому окружному руководителю коллаборационистской Белорусской народной самопомощи И. Дакиневичу пост командира батальона. При этом приводились убедительные аргументы, что «пора уже и белорусам включиться в войну за Новую Европу». Белорусская молодежь и на этот раз поверила немцам. В результате, в Слоним прибыло 5 тыс. человек, из которых медицинские комиссии отобрали только пятую часть. Однако вскоре после начала организации батальона из Минска прибыло его настоящее начальство – немецкий штурмбаннфюрер СС и командиры рот. Дакиневича отодвинули на второй план, сделав пропагандистом части. Можно было ожидать, что и здесь повторится история 49-го батальона, но на этот раз немцы действовали умнее. Не повторяя прежних ошибок, они называли Дакиневича командиром, а полицейский офицер при нем считался офицером связи между белорусским персоналом и начальником полиции порядка. В итоге, это сильно повлияло на дисциплину и боеспособность личного состава батальона: в целом, они были достаточно высокими. Тем не менее, это продолжалось недолго. Чем сильнее становился

батальон, тем меньшую роль в его управлении играл белорусский командир. А в марте 1944 г. его и вовсе убрали из части. Вскоре после этого батальон стал разлагаться, и, как следствие, в одном из боев его разбили советские партизаны [20].

Как видно, случаи дезертирства и разложения обычно происходили в тех подразделениях белорусской полиции, где командирами были исключительно немцы. В частях же, где на командные должности назначались белорусы, дезертирства практически не было, и даже наблюдался приток добровольцев. Так, например, происходило во время повторной организации 49-го батальона, где наличие офицеров-белорусов явилось стабилизирующим фактором, вследствие чего его личный состав увеличился до 500 человек, а дисциплина и боеспособность значительно укрепились. Подобная история имела место и в еще одном, 60-м, батальоне «Schuma» [14, с. 46].

Учитывая этот негативный опыт, главный начальник полиции на этом участке Восточного фронта группенфюрер СС К. фон Готтберг решил учредить специальный пост главного опекуна (Hauptbetrauer) белорусской полиции. Формально этот чиновник считался ее высшим начальником, однако, фактически, он был только главным пропагандистом. В августе 1943 г. на это пост назначили уже упоминавшегося Ф. Кушеля. В его обязанности входила пропаганда среди личного состава полицейских частей, которая должна была вестись в пронемецком и белорусском национальном духе, и забота об их материальном положении. Помимо опеки над частями белорусской полиции, Кушель также заботился обо всех полицейских частях, действовавших в Белоруссии и западной России. Таким образом, под его опекой находились части, укомплектованные белорусами, русскими, украинцами, но не литовцами и латышами. Все эти мероприятия Кушель разрабатывал и осуществлял через свой штаб, который состоял из: секретаря, переводчика, машинистки, руководителя пропагандистских мероприятий и персонала редакции специального полицейского журнала «Беларус на варце». В каждом округе Белоруссии должен был находиться окружной опекун (Gebietbetrauer) со своим небольшим штабом, а в каждом районе и при каждом отделении полиции – просто опекун (Betrauer), который подчинялся окружному опекуну. Кандидатов на должность окружных опекунов искал и назначал Кушель. Главный опекун также был обязан контролировать работу опекунов всех уровней и обращаться к группенфюреру СС фон Готтбергу по поводу увольнения или переводе на другую должность [14, с. 46–47].

В сентябре – октябре 1943 г. Кушель предпринял инспекционную поездку по округам, чтобы выяснить, как работает «опекунская вертикаль». Оказалось, что практически везде есть проблемы и связаны они, в основном, с вопросами пропаганды идей белорусского национализма среди полицейских. Причиной этого было то, что в западной части Белоруссии вся полиция находилась под польским влиянием, а в восточной – под русским. Это приводило к тому, что местные немецкие полицейские начальники назначали на должности опекунов поляков или русских. Если же на нее попадал белорус, то, обычно, совершенно чуждый идеям белорусского национализма. Так, например, в округе Ганцевичи из семи опекунов

один был русским, один белорусом, а остальные поляками. По мнению Кушеля это положение могло исправить только специальное обучение опекунов, в ходе которого их бы знакомили с историей и современным положением белорусского национального движения. Такое предложение он внес в конце октября 1943 г., а уже в первой половине января 1944-го, в Минске открылись соответствующие двухнедельные курсы. На эти курсы было отправлено по одному опекуну из каждого округа и по одному – из каждого формирования полиции порядка. Всего, таким образом, прибыло 18 человек (15 белорусов, 2 русских и 1 поляк). После окончания обучения курсанты, которые вернулись в свои округа, провели такие же курсы для районных опекунов. В результате, к весне 1944 г. весь руководящий состав белорусской полиции был переподготовлен с учетом требований штаба Кушеля [14, с. 47].

Роль проводника белорусской национальной идеи среди личного состава полиции отводилась органу штаба главного опекуна – журналу «Беларус на варце», главным редактором которого также был Кушель. Первый номер журнала вышел в начале декабря 1943 г. и в количестве 2,5 тыс. экз. разошелся по всей Белоруссии. Дальнейшие номера «Беларуса на варце» печатались по мере накопления материала, поэтому с декабря 1943 по май 1944 г. их вышло только десять. Журнал распространялся в Белоруссии через аппарат немецкой полиции, с пропагандистской точки зрения оценивался весьма высоко и был очень популярным среди белорусских активистов [3; 4].

В целом, можно констатировать, что благодаря работе штаба главного опекуна национальное самосознание полицейских сильно возросло. По мнению Кушеля, «они действительно начали считать себя белорусскими солдатами и совсем иначе оценивать свои обязанности и отношение к немцам» [14, с. 47–48].

Возросшее моральное состояние белорусских полицейских привело к усилению их боевого духа. Так, когда началось отступление из Белоруссии, то немцы, обычно, бросали белорусскую полицию на произвол судьбы. Однако, несмотря на это, большинство полицейских батальонов и других частей полиции в полном порядке отступили на запад. Только в районе Гродно группенфюрер СС фон Готтберг начал создавать из белорусской полиции фронтовые части и бросать в бой под командой немецких офицеров. Например, прорыв Красной армии в районе Августова (Польша) был ликвидирован исключительно благодаря белорусам. При этом, как вспоминал Кушель, «большинство полицейских погибли там героической смертью, веря, что они сражаются за Белоруссию» [14, с. 50].

Тем не менее, о белорусской полиции есть и другие мнения, часто – противоположные. Немецкий исследователь Б. Кьяри отмечал, что «в советской литературе полицейские вместе с бургомистрами олицетворяли предательство своего народа» [31, с. 305]. Но, и из лагеря националистов также звучали очень серьезные обвинения. Так, эмигрант А. Качан вспоминал, что когда «белорусский народ говорил о полиции, то с особенной неприязнью выговаривал слово «черная». Под этим словом простые люди подразумевали не только цвет униформы, но и все самое, можно сказать, грязное, предательское, фальшивое, чужое и враждебное» [1,

с. 30]. Наоборот, еще один белорусский националист – С. Шнек – вспоминал, что главными особенностями полиции в Слуцком округе было то, что «она и по принципам своего создания, и, исключительно, по белорусскому личному составу, и по характеру своего применения, была полицией от плоти и крови своего народа» [16, с. 4].

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что полиция была наиболее неоднородной частью белорусских коллаборационистских формирований. В принципе, когда упоминают это собирательное название, то под ним надо подразумевать несколько самостоятельных подразделений. Одновременно, это – и наиболее массовые формирования, которые применялись немцами на всей территории оккупированной Белорусской ССР. Именно поэтому полиция и получила такую неоднозначную оценку. Если оставить за скобками общеизвестную советскую точку зрения, согласно которой все, кто шел служить в полицию, уже автоматически не могли считаться порядочными людьми, то можно выделить две основные причины, по которым ее личный состав мог вызывать неприязнь у местного населения. В первую очередь, это этнонациональный фактор, о котором было сказано выше. Когда немцы приступили к организации местной администрации и вспомогательной полиции, то первоначально они делали это на добровольной основе и по своим планам, игнорируя мнение белорусских националистов. Поэтому в Западной Белоруссии в полицию «просто массово» стали вступать поляки. Оккупанты охотно принимали их, так как среди местных поляков было много тех, кто знал военное дело, а часто и немецкий язык. Поляки быстро захватили в свои руки всю администрацию и весь аппарат Вспомогательной полиции порядка почти во всех западных районах этой советской республики, и с его помощью начали уничтожение белорусских националистов, представляя их перед немецкими властями скрытыми коммунистами. Нередко полицейские формирования, состоявшие из поляков, участвовали в карательных акциях против мирного белорусского населения. Эта борьба наложила свой отпечаток на почти все стороны жизни в этой части оккупированной Белоруссии. Не могла она не затронуть и проблему полиции. И борьба за придание ей, а также местной администрации «белорусского вида» стала кульминацией того белорусско-польского конфликта, который имел место на территории генерального округа в 1941–1944 гг. [37, с. 86–88].

Следует сказать, что официально победа осталась за белорусскими националистами. Так, по словам современного белорусского историка Ю. Грибовского, к 1943 г. им удалось белорусифицировать практически всю местную администрацию от района и ниже. Кроме того, под белорусское влияние попало почти все народное образование. В целом, к этому периоду доля участия националистов в управленческом аппарате увеличилось с 30 до 80 %. Справедливости ради стоит отметить, что такой высокий процент появился не без помощи немцев – как следствие некоторых сторон их оккупационной политики [10, с. 136–138].

Однако, в отличие от гражданской администрации, где белорусским националистам удалось достигнуть определенных успехов, вопрос с «деполонизацией» полиции выглядел несколько хуже. Известно, что на тот же период лица белорусской национальности составляли всего 60 % ее личного состава. Не удалось националистам окончательно избавиться от «польского засилья» и в последующий период. Например, по состоянию на декабрь 1943 г. доля поляков в полиции Брестского округа составляла 22 %, а в Барановичском округе процентное соотношение было следующим: 77,6 % белорусов, 21,2 % поляков и 1,2 % остальных [10, с. 138].

Наиболее неблагоприятная для белорусов ситуация сложилась в Лидском округе, где польское влияние традиционно преобладало. В связи с этим заслуживает внимания случай, который имел место во время инспекции лидской полиции Ф. Кушелем. Так, он позднее вспоминал: «Еще перед общим сбором полицейских начальник окружной полиции просил меня говорить так, чтобы не углублять существующий белорусско-польский антагонизм. Когда личный состав был построен, я сказал, чтобы все белорусы подняли руки... Оказалось, что их было не больше 20 %, остальные оказались поляками» [14, с. 60]. К слову, даже на март 1944 г. в Лидском округе поляки занимали 21 из 25 должностей начальников местной полиции и составляли 2/3 личного состава всех полицейских гарнизонов [8, с. 19].

До более интенсивной ликвидации польского влияния в полицейском аппарате дошло только в августе 1943 г., когда созданная немцами из коллаборационистов Белорусская рада доверия приняла решение «о чистке рядов белорусской полиции от поляков». В нем, в частности, говорилось: «Все без исключения лица польской национальности, которые находятся на службе в полиции, должны быть уволены» [23, л. 401–402]. В дальнейшем, такие чистки планировалось проводить постоянно, а чтобы решить проблему кадров, на место изгнанных поляков и ополяченных белорусов предлагалось набирать молодых белорусских учителей и членов молодежных организаций. Как видно, будущий новый контингент должен был быть не столько обученным полицейскому ремеслу, сколько отличаться преданностью «белорусскому делу» [15, с. 179, 187–188].

И тем не менее, как показал последующий опыт, националистические лозунги и далее не находили у полицейских достаточного отклика. Причина тому – значительное количество агентов подпольной польской Армии Крайовой, которые действовали в рядах белорусской полиции практически до самого конца немецкой оккупации. Только бороться теперь с ними оказалось значительно трудней, так как, в отличие от польских полицейских, польские партизаны работали тайно. Ущерб же от их деятельности был не меньшим, если не более значительным, и, прежде всего, в идеологической сфере, свидетельством чему есть множество фактов. Например, в ходе столкновений белорусской полиции и польских партизан очень часто происходили случаи перехода первых на сторону последних. Выше уже говорилось, что в Лидском округе белорусским националистам практически ничего не удалось изменить в свою пользу, так как польская агентурная сеть охватывала почти все

полицейские участки на указанной территории. Типичный для такой ситуации случай произошел в Щучинском районе. В декабре 1942 г. местный школьный инспекторат жаловался в Минск, что начальник полиции поляк Голомбек самовольно арестовал по обвинению в коммунизме и расстрелял учителя А. Душа, который был белорусским активистом. В связи с этим, школьный инспекторат просил прислать нового начальника полиции, белоруса по национальности, который бы защищал права своих соотечественников [10, с. 139].

Введение должности главного опекуна белорусской полиции и начало издания журнала «Беларус на варце» тоже, по сути, преследовали цель «формирования белорусского лица полиции». Так, на страницах этого издания публиковалось много достаточно критических материалов, поскольку редакция не могла просто так закрыть глаза на значительное влияние «польских настроений» среди личного состава полицейских частей. Так, в одной из статей можно прочесть: «В Западной Белоруссии полицейские усвоили манеры польской полиции. Во время службы они разговаривают на польском языке, а на народ смотрят, как на каких-то холопов... Вот почему шомпола и плети полиции... нередко секут белорусские спины» [2, с. 12].

Проблема «польского засилья» была очень актуальна в Западной Белоруссии. В ее же восточной части в полицию стало записываться много русских, которые, хотя и не питали такой ненависти к белорусам, как поляки, тем не менее не упускали случая нанести удар по белорусским активистам, считая их сепаратистами и «предателями общерусского дела». Подобным образом могли действовать русские националисты, которых было, все-таки, не так много. Тем не менее, национальной или религиозной ненависти к белорусам они питали значительно меньше, чем поляки, если таковая вообще была. За всю историю оккупации известен только один случай, когда именно русская коллаборационистская часть уничтожила население нескольких белорусских деревень именно по этническому признаку. Об этом случае в своих воспоминаниях пишут, с разными вариациями, почти все белорусские эмигранты, поэтому остановиться на нем следует поподробнее. Речь идет о так называемой 1-й Русской национальной бригаде СС «Дружина» (командир оберштурмбаннфюрер СС В. Гиль-Родионов), действовавшей в районе Глубокого и Лепеля на протяжении 1943 г. [17, с. 80–83].

По свидетельству белорусских националистов Ю. Вицбича и А. Качана, летом 1943 г. солдаты этой бригады сожгли несколько белорусских деревень в районе Лепеля, а их население (около 3 тыс. чел.) согнали в населенный пункт Иконники. Здесь Гиль-Родионов обратился к белорусам с речью, в которой сказал, что всех их уничтожат за связь с партизанами, однако он дает им последний шанс. Шанс этот заключался в следующем: мнимые пособники партизан должны были обратиться к нему с просьбой о помиловании на «русском литературном языке». Никто из простых белорусских крестьян его, конечно, не знал. Поэтому Гиль-Родионов приказал расстрелять их из пулеметов. Кроме того, другой белорусский националист – Ю. Дувалич – после войны вспоминал, что издевательское предложение командира «Дружины» не было единственным антибелорусским

проявлением в ходе этой зачистки. Еще когда его солдаты жгли деревни и выгоняли их жителей на улицу, он приказал убить трех юношей и двух девушек только за то, что они прицепили на свою одежду белорусский национальный значок (неизвестно, какой именно). Этот случай имел место в деревне Зембин [1, с. 35].

Естественно, что все белорусские националисты, чьи свидетельства были приведены выше, настаивают именно на этнической подоплеке этих расправ. Однако согласиться с этим нельзя по целому ряду причин. Во-первых, сам белорус, воспитанный в духе советского интернационализма бывший красный командир Гиль-Родионов вряд ли имел представление об истории белорусского национализма и его целях во Второй мировой войне. Во-вторых, уже позднее появились свидетельства, что он был советским агентом и таким образом намеренно провоцировал ненависть местного населения к оккупантам. Подтвердить последнее допущение можно уже хотя бы тем, что в августе 1943 г. Гиль-Родионов перевел большую часть своей бригады к партизанам. Впоследствии на ее основе была создана партизанская бригада, которая действовала против немцев до самого конца оккупации Белоруссии. При этом Гиль-Родионова не только не наказали, а даже (по одной из версий) наградили орденом Боевого Красного Знамени и оставили во главе новосозданной бригады. Позднее он погиб в одном из боев с оккупантами [5, с. 20–23].

Наличие польских и русских националистов в полицейском аппарате было не единственной проблемой. Кроме них в полицию, по разным причинам, попало много сторонников советской власти. Большинство из них не проявляло никакой активности до самого конца оккупации, когда они массово стали переходить на сторону партизан. Но были и такие, кто вступил в ряды полиции по приказу подполья. Они-то, помимо всего прочего, и занимались уничтожением белорусского актива, и часто делали это, также как и поляки, немецкими руками. Вот почему в целом ряде случаев Вспомогательная полиция порядка вызывала столько ненависти у белорусских националистов [19, с. 73].

Там же, где эта полиция была организована при содействии последних, например, в Слуцке, она, по словам С. Шнека, якобы «любила и защищала свой народ со всей молодой пылкостью и самоотверженно уничтожала врагов своей родины». И если в остальных районах из полиции много и часто дезертировали, то в «белорусской полиции» наблюдался только рост личного состава. Так, в том же Слуцком округе его динамика была следующей: на 1 августа 1941 г. – 43, на 6 июля 1942 г. – 420, на 6 июля 1943 г. – 960 и на 1 января 1944 г. – 1760 человек. Нечто сходное наблюдалось и в Барановичах – 28 человек в июле 1941 г. и уже 341 человек – в январе 1944-го [16, л. 4].

Наряду с этнонациональными и идеологическими противоречиями можно также отметить проблему морального состояния личного состава полиции. Положение в ней было только отражением общей ситуации на оккупированной территории Белорусской ССР. В полицию, как и другие органы оккупационной администрации, вступали разные люди и из разных социальных слоев: интеллигенция, рабочие, крестьяне. В первые дни в ее ряды попало много уголовного элемента. В советской литературе не было принято писать об этом,

однако немцы строго запрещали принимать в полицию уголовников. Но это, если специально разбираться и иметь для этого достаточно времени. Поначалу времени на это не хватало, и брали всех желающих, главное, чтобы не был бывшим компартийным функционером или евреем. Поэтому, неудивительно, что вскоре «криминальный элемент» начал проявлять себя соответствующим образом [13, с. 164–178].

Были разными и причины, по которым люди шли служить в полицию. Обычно, туда шли те, кто пострадал от советской власти. Для других служба в полиции выглядела более привлекательной, чем тяжелая работа в деревне или, вообще, вывоз в Германию. Из многочисленных протоколов послевоенных судебных процессов и из других источников также известно, что «полицайи» придавали большое значение наградам, униформе и оружию, как признакам определенного статуса, который был гораздо выше, чем у местного населения [11, с. 132, 146].

Конечно, среди полицейских были и такие, кто не деградировал и не потерял человеческого облика во время своей службы. Однако приходится признать, что большая часть из них пошла в полицию не для того, чтобы охранять порядок, а совсем наоборот. И это – не только советская пропаганда. Например, даже в документах немецких полицейских властей в Белоруссии есть многочисленные факты драк, пьяных выходок, злоупотребления оружием и прочих подобных инцидентов. В качестве дисциплинарных нарушений были также зафиксированы случаи насилия над гражданским населением, которые совершались, главным образом, во время переселения евреев в гетто и позднее, во время их массового уничтожения. И зачастую, местные «полицайи» делали даже больше того, что от них требовали оккупационные власти. Известно много случаев, когда белорусские или польские полицейские убивали евреев-беглецов из гетто, якобы «принимая их за советских партизан». Иногда «партизаном» становился тот, кто просто не понравился полицейскому. Когда кто-нибудь в городе или деревне доносил на кого-либо как на коммуниста, он, обычно, делал это в местной полиции, которая и арестовывала подозреваемого. Часто это происходило с невиданной жестокостью: дома, в которых скрывались «советские агенты», нередко просто поджигались. Когда виноватых не находили, их местонахождение выяснялось через допросы родственников, часто с применением пыток [38, р. 381–409].

«Вот поэтому, – подводит итог немецкий историк Б. Кьяри, – образ пьяного, примитивного горлопана-полицая, который тиранил и грабил население, полностью проявляя свои преступные наклонности и садизм, появился неслучайно» [31, с. 309].

Однако ни городская, ни сельская полиция не могли самостоятельно бороться с растущим партизанским движением, ни, тем более, уничтожить его и только зря несли потери. Уже упоминавшийся С. Шнек писал, что в одном Слуцком округе с 1941 по 1944 г. погибло 418 полицейских [16, л. 3–4]. Поэтому оккупационные власти делали все, чтобы создать более крупные, мобильные и лучше подготовленные части, которые могли бы обеспечить порядок, хотя бы в пределах своего района. В результате, такая установка привела к организации целого ряда полицейских формирований, выполнявших специальные охранные функции

широкого профиля (Батальон железнодорожной охраны, 13-й полицейский батальон при СД, Новогрудский кавалерийский эскадрон и т.п.) [30, вл. 180–181].

Подводя итог, можно констатировать, что вспомогательная полиция являлась самой массовой и самой важной коллаборационистской силовой структурой в системе нацистского оккупационного режима на советских территориях. И, в частности, на территории Белорусской ССР. Большую часть оккупации этой советской республике именно на разных формах вспомогательной полиции лежала основная задача по поддержанию порядка в тыловых районах вермахта и на территории гражданской оккупационной администрации. За три года нацистского господства полиция эволюционировала от простых форм местной «самообороны» до такой сложной структуры, как Вспомогательная полиция порядка или «Schuma». С одной стороны это было обусловлено общей унификацией силового аппарата на оккупированных территориях, с другой – ростом партизанско-полдпольного движения, с которым не могли справиться местные формирования, набранные из случайных людей.

Тем не менее, на протяжении всей истории своего существования, например, белорусская полиция, так и не смогла на равных бороться с советскими народными мстителями. Среди объективных причин такого развития событий можно назвать три основные. Первая, немецкая, причина связана с тем, что оккупанты, создавая подобные формирования, практически сразу делали их небоеспособными, накладывая большое количество ограничений военного и политического характера. Вторая причина – это межнациональные отношения на территории Белорусской ССР. Как правило, они накладывали свой отпечаток на все стороны деятельности полиции (от кадровых вопросов – до повседневной службы) и не давали ей нормально функционировать. В данном случае следует отметить белорусско-польские отношения, которые в годы оккупации приняли форму настоящего этнического конфликта, частью которого стала борьба за доминирование в местной полиции. Наконец, третья причина связана именно с массовым характером полиции, поскольку в нее, во многом, попадали случайные элементы, отвечавшие только самым минимальным профессиональным требованиям. А их последующее поведение компрометировало всю полицию, формируя негативный образ ее сотрудников не только у обычного населения, но даже у белорусских националистов.

Список использованных источников и литературы

1. Акула К. Змагарныя дарогі: Аповесць. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 572 с.
Akula K. Zmagarnyja darogi: Apoves'c'. – Minsk: Mastackaja literatura, 1994. – 572 s.
2. Беларусь на варце. – 1943. – № 1.
Belarus na varce. – 1943. – № 1.
3. Беларусь на варце. – 1944. – № 4.
Belarus na varce. – 1943. – № 4.
4. Беларусь на варце. – 1944. – № 6.
Belarus na varce. – 1943. – № 6.
5. «Бригада Родионова, получившая наименование 1-й антифашистской партизанской бригады...» // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 12. – С. 20–23.
«Brigada Rodionova, poluchivshaja naimenovanie 1-j antifashistskoj partizanskoj brigady...» // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2003. – № 12. – S. 20–23.

6. Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Слава і трагедія повстанського руху. – Вінніпег: Волинь, 1981. – 328 с.
Bul'ba-Borovec' T. Armija bez derzhavy. Slava i tragedija povstans'kogo ruhu. – Vinnipeg: Volin', 1981. – 328 s.
7. Вір В. Маёр Беларускай Краёвай Абароны Ўсевалад Родзька // Беларускі Голас. – 1991. – № 365. – Кастрычнік.
Vir V. Major Belaruskaj Krajovaj Abarony Usevalad Rodz'ka // Belaruski Golas. – 1991. – № 365. – Kastrыchnik.
8. Гелагаеў А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другое сусьветнае вайны. – Менск: Голас Краю, 2002. – 72 с.
Gelagaeu A. Belaruskija nacyjanal'nuja vajsковыja farmacyi u chase Drugoe sus'vetnae vajny. – Mensk: Golas Kraju, 2002. – 72 s.
9. Государственный архив Республики Крым. – Ф. П-151. – Оп. 1. – Д. 391.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. – F. P-151. – Op. 1. – D. 391.
10. Грыбоўскі Ю. Польска-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941–1944 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. – № 25. – S. 116–167.
Grybouski Ju. Pol'ska-belaruski kanflikt u General'naj akruze «Belarus'» (1941–1944 gg.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. – № 25. – S. 116–167.
11. Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. – СПб.: Академический проект, 2008. – 268 с.
Din M. Posobniki Holokosta. Prestuplenija mestnoj policii Belorussii i Ukrainy, 1941–1944. – SPb.: Akademicheskij proekt, 2008. – 268 s.
12. Дробязко С. И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М.: АСТ, 2000. – 48 с.
Drobjazko S. I. Vostochnye dobrovol'cy v vermahte, policii i SS. – M.: AST, 2000. – 48 s.
13. Иоффе Э. Г. К вопросу о роли коллаборационистов в катастрофе на белорусской земле // Евреи Беларуси. История и культура. – Минск, 1998. – Вып. 3–4. – С. 164–178.
Ioffe E. G. K voprosu o roli kollaboracionistov v katastrofe na belorusskoj zemle // Evrei Belarusi. Istorija i kul'tura. – Minsk, 1998. – Vyp. 3–4. – S. 164–178.
14. Кушалъ Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 1999. – 164 с.
Kushal' F. Sproby stvarjen'nja Belaruskaga vojska. – Minsk: Belaruski Gistarychny Agljad, 1999. – 164 s.
15. К'яры Б. Штодзённасьць за лініяй фронту. Акупацыя, каляборацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.). – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 2005. – 390 с.
K'jary B. Shtodzjonnas'c' za linijaj frontu. Akupacyja, kaljaboracyja i supraciu u Belarusi (1941–1944 gg.). – Minsk: Belaruski Gistarychny Agljad, 2005. – 390 s.
16. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 11.
Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'. – F. 383. – Op. 1. – D. 11.
17. Окоороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М.: Военный университет, 2000. – 174 с.
Okorokov A. V. Antisovetskie voinskie formirovanija v gody Vtoroj mirovoj vojny. – M.: Voennyj universitet, 2000. – 174 s.
18. Панкратов П. А. «Мрак и туман» // Военно-исторический журнал. – 1998. – № 3. – С. 14–20.
Pankratov P. A. «Mrak i tuman» // Voенno-istoricheskij zhurnal. – 1998. – № 3. – S. 14–20.
19. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 383 с.
Popov A. Ju. NKVD i partizanskoje dvizhenie. – M.: Olma-Press, 2003. – 383 s.
20. Раница. – 1943. – 19 верасья.
Ranica. – 1943. – 19 veras'nja.
21. Романько О. В. Из коллаборационистов в маки: к вопросу об участии восточных добровольцев 30-й гренадерской дивизии войск СС в рядах французских партизан // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года. – М., 2015. – С. 158–167.

Roman'ko O. V. Iz kollaboracionistov v maki: k voprosu ob uchastii vostochnyh dobrovol'cev 30-j grenaderskoj divizii vojsk SS v rjadah francuzskih partizan // Rossijskaja jemigracija v bor'be s fashizmom. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Moskva, 14–15 maja 2015 goda. – M., 2015. – S. 158–167.

22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 1141.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 69. – Op. 1. – D. 1141.
23. РГАСПИ. – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 44.
- RGASPI. – F. 625. – Op. 1. – D. 44.
24. Чуев С. Г. Проклятые солдаты. – М.: Эксмо; Яуза. – 576 с.
- Chuev S. G. Prokljatye soldaty. – M.: Eksmo; Jauza. – 576 s.
25. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Mikrofilmy aleksandrijskie. – T-78. – Roll 413.
26. AAN. – Mikrofilmy aleksandrijskie. – T-175. – Roll 225.
27. AAN. – Mikrofilmy aleksandrijskie. – T-175. – Roll 226.
28. AAN. – Mikrofilmy aleksandrijskie. – T-175. – Roll 233.
29. AAN. – Mikrofilmy aleksandrijskie. – T-175. – Roll 235.
30. Bundesarchiv Freiburg. – RH 22 (Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte). – RH 22/233.
31. Chiari B. Das Schicksal der weißrussischen Juden im «Generalkommissariat Weißruthenien». Eine Annäherung an das Unbegreifliche // Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit: In 7 bd. – Berlin, 1999. – Bd. 3. – S. 271–309.
32. Gdański J. Zapomniani żołnierze Hitlera. – Warszawa: Wydawnictwo «De Facto», 2005. – 263 s.
33. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht / Hrsg. v. W. Hubatsch. – Frankfurt-am-Main: Bernhard and Graefe Verlag für Wehrmacht, 1962. – 330 s.
34. Hoffmann J. Ostlegionen 1941–1943. – Freiburg: Rombach, 1976. – 197 s.
35. Munoz A. J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. – New York: Axis Europe, 1997. – Vol. 2. – 96 p.
36. Munoz A. J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941–1943. – New York: Axis Europe, 2000. – 98 p.
37. Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918–1947. – Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. – 437 p.
38. Rein L. Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi-Occupied Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – Vol. 20. – Issue 3. – P. 381–409.
39. Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939–1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / Bearb. v. G. Tessin und N. Kannapin. – Osnabrück: Biblio Verlag, 2000. – 773 s.

Romanko O. V. Auxiliary police in the system of the Nazi occupation regime in the Soviet territories (on the example of the Belarussian SSR)

This article is devoted to the study of the role and place of the collaborationist auxiliary police, which was an important part of the Nazi security forces during the occupation of Soviet territories. The reasons for the appearance and genesis of such police formations are shown on the example of the Belarussian SSR. Their typology is considered, with the help of which it was possible to establish that the main types of police in the territory of this Soviet republic were the «service of order», «self-defense» and Auxiliary Police of order, the reasons for the creation of which directly depended from the increase in the level of partisan danger in the occupied territories. As a result of the conducted research, it was found that the auxiliary police were the most massive collaborationist formations in the occupied Soviet territories, and their role in Nazi repressive policies (for example, participation in the Holocaust) is quite significant. Nevertheless, the level of combat capability of the police remained low for a number of reasons and only decreased with the course of the occupation, which forced the Nazi administration to look for other forms of military collaboration. One of these reasons was the interethnic relations on the territory of the Belarussian SSR, which allows us to call the auxiliary police an essential factor in the dynamics, for example, of Belarussian-Polish and Belarussian-Russian relations.

Keywords: Byelorussian SSR, Nazi occupation, collaboration, auxiliary police, Holocaust, interethnic relations.